

Н.А. Константинов

Сцены охоты на раннесредневековых петроглифах Горного Алтая*

N.A. Konstantinov

Hunting Scenes on Early Middle Ages' Petroglyphs of Mountain Altay

В наскальном искусстве населения Горного Алтая эпохи раннего Средневековья особое место занимают сцены охоты. В этих сценах представлена охота героя на опасных и проворных зверей. Рассмотрение этих сцен позволило сделать вывод о том, что в них чаще всего изображались «престижные» виды охоты, которыми в основном занимались знатные тюркские воины в качестве военных тренировок или своего рода забавы.

Ключевые слова: Алтай, раннее Средневековье, петроглифы, сцены охоты.

Петроглифы довольно активно используются как источник по реконструкции различных аспектов жизни древних и средневековых обществ, а также и при изучении хозяйственных занятий древнего и средневекового населения Южной Сибири, Центральной и Средней Азии и других регионов [1, с. 89; 2; 3; 4, с. 20; 5, с. 151].

Большое распространение в алтайских петроглифах раннего Средневековья получили сцены охоты, что предопределило их важность при изучении охотничьей деятельности населения Горного Алтая того времени. Известны изображения сцен охоты и на предметах материальной культуры. Наскальные рисунки, изображающие сцены охоты, выполнены, как правило, техникой граффити. Они прочерчивались на камне острым предметом из твердого материала. Известна лишь одна сцена из Бичукту-Бом, которая была выполнена темно-синей краской [6]. Раннесредневековые наскальные рисунки отличаются точной прорисовкой малейших деталей, позволяющих использовать их в качестве источника для изучения этнографического облика средневековых тюрков, вооружения, конского снаряжения и др.

Зафиксированные раннесредневековые сцены охоты происходят из памятников, расположенных в южном (Жалгыз-Тобе, Кургак, местонахождения долины р. Чаган и ее притоков), в юго-восточном (рисунок на стеле у с. Улаган), в центральном (Туэкта,

Hunting scenes take a special place in the petroglyph art of the population of Mountain Altay epoch in the early Middle Ages. In these scenes the hero is looking for dangerous and quick animals. Consideration of these scenes allowed us to draw a conclusion that they illustrated «prestigious» kinds of hunting more often. Mainly, notable Turkic soldiers were engaged in such kinds of hunting as military trainings or some kind of entertainments.

Key words: Altay, the early Middle Ages, petroglyphs, hunting scenes.

Устю-Айры, Бичукту-Бом, Тыныскайак, Кызыл-Тал, Калбак-Таш-II) и в западном Алтае (петроглифы Усть-Кана). Сцены изучали П.П. Хороших, А.И. Минорский, Е.А. Окладникова, В.Д. Кубарев, А.И. Мартынов, В.Н. Елин, В.А. Некрасов, В.И. Молодин, Е.А. Миклашевич, Д.В. Черемисин, Г.В. Кубарев, Е.Е. Ямаева и др.

К сожалению, многие сцены из-за технических особенностей рисунка и других причин имели плохую сохранность, что отмечалось исследователями [7, с. 220, 222; 8, рис. 14]. Некоторые опубликованные сцены невозможно анализировать без работы с оригиналом, поэтому в нашем исследовании они не учитывались.

Анализ охотничьих сцен второй половины I тыс. н.э. позволил отметить следующее. Охотники изображались как пешими, так и верхом на лошади. Довольно часто это были одиночные охотники. В других сценах участвуют два и более охотника. Почти все охотники нарисованы с луками и стрелами. Стрелы изображались на поясе в колчане либо просто пучком (обычно три стрелы). У некоторых всадников были прорисованы налучья [9, рис. 4], иногда в сочетании с колчаном [10, рис. 7, 9]. Также имеются изображения охотников с ловчей птицей и копьем.

Объекты охоты, участвующие в сценах, представлены животными, обитающими или обитавшими ранее на территории Горного Алтая. Это копытные животные — олени и косули, горные козлы, архары,

* Работа выполнена в рамках проекта «Реконструкция систем жизнеобеспечения древних и традиционных обществ Горного Алтая» (№6.3494.2011) госзадания Министерства образования и науки Российской Федерации.

кабаны; хищные звери — медведи и волки; птицы представлены изображениями «куропатов-кекликов» и журавля.

Все раннесредневековые сцены охоты, известные в Горном Алтае, отличаются динамизмом. Животные и часто охотники представлены в движении, в стремительном беге. Исключениями являются стоящие стрелки, лошади, привязанные к дереву или к поясу хозяина, и лежащие звери — скорее всего, убитая добыча. Часто звери и птицы изображались ранеными стрелой, убитые реже. Изображение убитой козули известно на костяной накладке на луку седла из могильника Кудырге [11, табл. XV — 12; XVI — 1]. Что касается стоящих лошадей, то на раннесредневековых рисунках довольно часто они изображались рядом со спешившимся хозяином [12, с. 52, рис. 18; 13, с. 161, табл. I — 1, 3; 14, рис. 4–1; и др.].

Отдельные сцены охоты можно определить как загонные. К этому виду охоты можно отнести сцену из Кургака, где сцене конный охотник изображен без оружия [15, рис. 1], вероятно, он является загонщиком, а пеший охотник — стрелок, который готовится стрелять во вспугнутого всадником марала. Значительную часть раннесредневековых сцен охоты можно отнести к изображениям индивидуальной пешей и верховой охоты гоном.

На скалах и предметах чаще всего изображалась охота на тех животных, которых было трудно добыть в силу либо их проворности, либо опасности для человека — медведя, кабана, крупных копытных. Таких животных чаще всего изображали и в более ранние периоды [16, с. 53]. К этим же видам охоты, скорее всего, относилась и охота на птиц. Попадание стрелой в летящую птицу, несомненно, считалось показателем высоких стрелковых способностей. Виды охоты, изображенные на скалах и предметах материальной культуры, были престижными у средневековых тюрков. Видимо, к престижным видам охоты относилась также и соколиная охота.

Охотничьи и военные сцены, известные по наскальным рисункам, по мнению многих исследователей, были связаны с героическим эпосом. Героический эпос, зародившийся еще «в эпоху ранних кочевников» [17, с. 31; 18, с. 269], изначально был связан с восхвалением охотничьих подвигов. Развивался он в изобразительном искусстве Южной Сибири и Средней Азии и в гунно-сарматское время [19; 20]. В этих эпических сценах охота стоит в одном ряду с батальными сюжетами [21, с. 145]. Подобного мнения придерживаются и другие исследователи: «идейное содержание петроглифов заключается в прославлении воинских и охотничьих подвигов древнетюркских воинов, воспевании военного профессионализма, выделении оружия и конского убранства» [5, с. 131].

Многие сцены могли быть связаны с какими-либо эпическими сюжетами. По мнению Д. В. Черемисина,

на местонахождениях петроглифов в долине Чагана изображались эпические герои, «с которыми могли отождествлять себя местные суверены, предводители тюркских племен, обитавших на юго-востоке Горного Алтая в VI–IX вв.» [10, с. 47]. Возможно, многие эпические произведения, зафиксированные у современных народов Центральной Азии и Южной Сибири, зародились в тот отдаленный период или еще раньше. Очевидно, каждая историческая эпоха внесла свой отпечаток на эти эпические сюжеты, но какие-то отдельные черты этих древних фольклорных произведений могли сохраниться до недавнего времени. Иногда в подтверждение эпического характера наскального искусства удается проследить устоявшиеся аналогичные сюжеты, распространенные на значительные расстояния друг от друга [10, с. 49].

Рядом с тремя сценами охоты были зафиксированы надписи. Рунические надписи были вырезаны рядом с кургакской и туэктинской сценами [7, рис. 5; 15, рис. 1]. В сцене из Бичикту-Бома, нарисованной «темно-синей тушью», сохранилась надпись, выполненная древнеуйгурским (?) письмом [6, с. 57, 60]. Кургакская руническая надпись была прочитана С. Г. Кляшторным и оказалась эпитафией. О назначении надписей из Туэкта и Бичикту-Бома говорить сложно. Две туэктинские надписи сохранились плохо, плоскость со сценой и надписью из Бичикту-Бома, описание которой приведено алтайским этнографом Е. Е. Ямаевой, в современное время утрачена. Стоит отметить, что древнеуйгурская надпись, выполненная краской, известна на святилище Большой Яломан-III [22, с. 6].

Рунические надписи, расположенные рядом с изображениями всадников с ловчими птицами, были обнаружены в Центральном Тянь-Шане на памятниках Кок-Сай и Бойрок-Булак (Кочкорская долина). По мнению К. Ш. Табалдиева и Ч. Жолтошева, эти сцены и рунические надписи связаны с человеческой смертью, т. е. носят характер эпитафии [23, с. 116].

Если исходить из прочтения кургакской надписи и находок в Кыргызстане, то можно предположить, что хотя бы некоторая часть сцен охоты в петроглифах также имеет «эпитафийное» назначение, т. е. они были нарисованы в честь когда-то реально существовавших раннесредневековых тюркских воинов-охотников. Возможно, в наскальных рисунках были отражены какие-либо реальные случаи из жизни этого воина-охотника, в которых он проявил особую удачу, храбрость, стрелковые навыки и подобное, либо изображался тот вид охоты, которым больше всего любил заниматься умерший. Тем более, в некоторых енисейских рунических эпитафиях охота звучит как любимое занятие человека, которому была посвящена надпись [24, с. 310].

В изобразительном творчестве населения Горного Алтая в период раннего Средневековья наибольшее

распространение получили военные сцены и сцены «героической» охоты [25, с. 96; 10, с. 46; 7, с. 223]. В мировоззрении средневекового населения, видимо, между этими двумя видами деятельности, образно выражаясь, стоял знак равенства.

Исходя из вышесказанного стоит заметить, что раннесредневековые сцены охоты на петроглифах и предметах материальной культуры дают нам далеко не полное представление о способах ведения охоты, как считалось ранее [1, с. 89]. На этих сценах изображались эпические сюжеты, какие-то легендарные истории, в которых охота выступала в первую очередь как иллюстрация мифологических действий и проявления богатырской удали, а не как направление хозяйственной деятельности. Поэтому изобразительные источники не могут отражать все приемы и способы ведения охоты, а передают только те, которые связаны с мифологическими сюжетами и престижными видами охоты.

Престижными видами охоты занимались знатные воины, главным образом, не для добывания пищи, а в большей степени в качестве военных тренировок. «...охота была подготовкой к воинским подвигам, своего рода маневрами» [26, с. 70]. О знатности воинов, изображенных на петроглифах, может свидетельствовать всадник из охотничьей сцены из Хар-Салаа с ловчей птицей, нарисованный с престижным атрибутом — стеком или булавой [25, с. 98].

Таким образом, сцены охоты в наскальном искусстве населения Горного Алтая эпохи раннего Средневековья могут использоваться в качестве источников по изучению образа жизни и мировоззрения раннесредневековых тюркских воинов, составлявших основу Тюркских каганатов. Эти сцены дают нам представление о некоторых социальных ценностях знати того времени. Представители тюркской знати, судя по изобразительным источникам, видятся не только умелыми и бесстрашными воинами, но и ловкими охотниками.

Библиографический список

1. Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). — Абакан, 1948.
2. Кубарев В. Д. Традиционные приемы и объекты охоты по мотивам наскальных изображений Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. — № 7. — Горно-Алтайск, 2001.
3. Кубарев В. Д. Палеоэкономика населения Монгольского Алтая (по петроглифам и этнографическим источникам) // Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности. — Новосибирск, 2007.
4. Соёнов В. И. Рыболовство на Алтае // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. — № 6. — Горно-Алтайск, 2001.
5. Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. — Новосибирск, 2009.
6. Ямаева Е. Е. Наскальные рисунки эпохи средневековья: уйгуры в Горном Алтае (по материалам памятников долины Каракол) // Научный вестник Горно-Алтайского государственного университета. — № 4. — Горно-Алтайск, 2009.
7. Миклашевич Е. А. Рисунки на скалах у деревни Туэкта (Горный Алтай) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. — Вып. 3–4. — Горно-Алтайск, 2006.
8. Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. — Новосибирск, 1984.
9. Кубарев Г. В. Раннесредневековые граффити Чуйской степи // Археология и этнография Алтая. — Вып. 2. — Горно-Алтайск, 2004.
10. Черемисин Д. В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2004. — № 1 (17).
11. Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. — М. ; Л., 1965.
12. Руденко С. И., Глухов А. Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // МЭ. — 1927. — Т. III. — Вып. 2.
13. Кубарев В. Д. Изваяние с реки Хара-Яма // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. — Барнаул, 1995.
14. Еркинова Р. М., Кубарев Г. В. Граффити Бичикту-Бома (Из творческого наследия Г. И. Чорос-Гуркина) // Археология и этнография Алтая. — Вып. 2. — Горно-Алтайск, 2004.
15. Кляшторный С. Г., Кубарев Г. В. Тюркские рунические эпитафии из Чуйской степи (Юго-Восточный Алтай) // История и культура Востока Азии. — Новосибирск, 2002. — Т. 2.
16. Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган. — Л., 1950.
17. Грязнов М. П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // АСГЭ. — Л., 1961. — Вып. 3.
18. Суразаков А. С. Железный кинжал из долины Ачик Горно-Алтайской автономной области // Советская археология. — 1979. — № 3.
19. Грязнов М. П. Миниатюры таштыкской культуры. Из работ Красноярской экспедиции 1968 г. // АСГЭ. — Вып. 13. — Л., 1971.
20. Пугаченкова Г. А. Образ кангюйца в согдийском искусстве. (Из открытий Узбекстанской искусствоведческой экспедиции) // Из художественной сокровищницы Среднего Востока. — Ташкент, 1987.

Сцены охоты на раннесредневековых петроглифах Горного Алтая

21. Грязнов М. П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. — Новосибирск, 1979.
22. Тишкин А. А. Историко-культурное наследие Алтая // Древности Онгудайского района. — 2006. — Вып. 1.
23. Табалдиев К., Жолдошов Ч. Образцы изобразительной деятельности древнетюркских племен Тенир-Тоо // «Манас» Университети. Коомдук илимдер журналы. — Бишкек, 2003.
24. Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. — М., 2008.
25. Кубарев В. Д. Сюжеты охоты и войны в древнетюркских петроглифах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2001. — №4 (8).
26. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. — М., 1967.